

1

Человек, о котором пойдет речь, жил на земле Франции в эпоху великих политических преобразований. Его полное имя — Шарль Морис Талейран Перигор. Больше всего он известен тем, что всю сознательную жизнь продавал и предавал своих и чужих государей. Показывая племяннице золотую монету, он говорил: «Меняются только профили — металл остается». На самих Людовиков и Наполеонов полагаться нельзя. Но на золотые кружочки с их чеканными портретами можно положиться вполне. Этим Талейран давал понять родственникам, что он служит не владыкам мира сего (которых почти всегда и почти всех презирал) — а золоту. Задолго до падения того или иного коронованного покровителя он каким-то особым чутьём начинал это предвидеть и с этого момента тайно работал против него в пользу врагов (разумеется, за золото). Будучи министром Наполеона, он ещё за 4 года до нашествия на Россию «двунадесяти языков» уже понял, что стремление императора ко всемирному завоеванию — это несбыточные мечты. И Талейран уже в 1808 году начинает шпионить против Наполеона в пользу русского царя Александра Первого (конечно, за золотые рубли). Но и Александра он впоследствии тоже не раз дурачил и продавал. Русский царь знал это и презирал «Анну Ивановну» (под таким псевдонимом шли в русское посольство в Париже тайные письма Талейрана).

Вообще, вся удивительно долгая жизнь этого человека представляет собою сплошную цепь постоянных предательств. В начале своей карьеры он предал и продал католическую Церковь в пользу революции. Затем революцию предал в пользу Директории. Потом Директорию — в пользу Наполеона. Потом Наполеона — в пользу Александра Первого. Потом Александра Первого — в пользу австрийцев. Потом австрийцев — в пользу англичан. И только англичан он никому не продавал, потому что их никто не покупал. Знаменитый Мирабо как-то сказал о нём: «За деньги он продал бы и свою душу и был бы совершенно прав, ибо променял бы навозную кучу на золото». Писательница Жорж Санд возмущённо говорила, что «Талейран продал бы и родную мать, если бы на неё нашёлся покупатель». Сам Талейран, однако, в своих мемуарах старается доказать, что он изменял лишь заносчивым владыкам Франции, но никогда не изменял самой Франции. «Я ничуть не упрекаю себя в том, что служил всем режимам, ибо я остановился на идее служить Франции, в каком бы положении она ни была». Проходят Бурбоны, Робеспьеры и Наполены — но Франция остается. Это мнимый девиз Талейрана. И далее: «Прежде всего — не быть бедным». А раз так, то надо брать взятки. И он их брал. Брал с германских и не германских мелких и крупных королей, с банкиров и кардиналов, с подрядчиков, президентов и польских магнатов. Причём брал абсолютно спокойно и бесстрастно, как будто делая одолжение. Поль Баррас как-то опубликовал список взяток, полученных Талейраном в первые два года его министерства. Их общая сумма составила 13650000 франков. Звёздная цифра.

Правда, взяточничество было всегда. И как порок пока оно существует — остается должностным преступлением. Ему нет и не может быть оправдания, даже если взяточник вошёл в историю. Взятки брали многие послы и генералы, короли и министры. Замешаны в них Меншиков, Дантон, Бенкендорф. Но такого золотого аппетита, как у Талейрана, история больше не знает. Это размах лихоимства особый, выдающийся. С великих держав он брал взятки огромные, как бы даже не желая обидеть большую страну малой суммой. Его недоброжелатели неоднократно делали попытки подсчитать, хотя бы в общих итогах, сколько же Талейран получил взятками за всё время своего министерства. Но эти враждебные счетоводы обыкновенно утомлялись в своих подсчётах и останавливались лишь на первых годах его государственной службы. Однако эти первые годы были только детской игрой с последующим временем полного владычества Наполеона над Европой, когда Талейран продолжал оставаться министром.

Посмотрим теперь, за что же он брал эти взятки. Политическая информация и «услуги» иностранным государствам всегда дорого стоили и хорошо оплачивались. Но было бы ошибочно думать, что Талейран через эти взятки и подкупы мог влиять на государственные дела и на самого Наполеона. Он никогда не делал и не пытался делать таких нелепых глупостей и отчаянных вещей. Он торговал, как правило, второстепенной информацией, снижая степень риска. Он брал деньги лишь за то, что содействовал по вопросу, по которому, как он знал, и без его содействия дело уже решено благоприятно. Ему платили за то, чтобы на месяц раньше очистить от французских войск территорию, которую Наполеон уже согласился очистить. Или за то, чтобы на полгода раньше получить материальную помощь, которую Франция уже обещала дать и т.д.

2

Полная уверенность этого человека в себе, способность с безмятежно и высоко поднятой головой шествовать по жизни, собирая дань почтения и денег, сбивала с толку и приводила в недоумение многих министров и дипломатов. Люди терялись перед аморальностью Талейрана, соединённой с совершеннейшим спокойствием духа и сознанием какой-то своей мнимой правоты. Наполеон один из первых раскусил его и однажды при всех назвал «дрянью в шелковых чулках». Однако Талейран и глазом не моргнул. Чистота репутации и мнение людей беспокоили его меньше всего. Вот классический тому пример: заинтересованное лицо, испрашивая ходатайства у Талейрана, говорит: «Я даю вам 50 тысяч, и никто об этом и знать не будет». На эту фразу следует ответ: «Дайте мне 100 тысяч и рассказывайте кому хотите». Таков был руководящий жизненный принцип Талейрана вплоть до гробовой доски. Всякий внешний успех всегда усиливал в нём величавое спокойствие и бесстрашие. На приёмах

и балах, в салонах и перед послами иностранных держав Талейран обычно представлял, гордо опираясь на красивую трость, спокойный и чуть-чуть надменный государственный муж, законный представитель великой страны, а главное — человек, глубоко убеждённый в своей непорочной чистоте. Всем своим видом он как бы говорил: «Вы сами теперь видите, как я хорош!» И при всём этом в Талейране следует отметить одну очень интересную и парадоксальную черту. При всей полнейшей и законченной аморальности он был... не мстительный. Мечь сама по себе ни малейшего удовольствия или развлечения ему не доставляла. Потому что он в самом деле не умел ненавидеть, а умел только презирать. Если враги не стояли у него на дороге, он тут же забывал о них. Обладая исключительным даром политического предвидения, Талейран всегда правильно выбирал для себя дорогу в будущее. Как натасканный дог, он владел удивительным чутьём на людей с великой судьбой. Он видел их издали, на большом расстоянии, и своевременно пристраивался к восходящей звезде. Так было с Наполеоном, с Тьером и с Луи Филиппом. Ещё тогда, когда Наполеон был молодым, не мечтавшим ни о какой всемирной славе генералом, Талейран уже разглядел его гениальную сущность и военный талант. Все внимательнее и льстивее, все почтительнее и сердечнее делались талейрановские письма к молодому герою итальянской кампании. Уже в 1797 году Талейран пишет Наполеону не как министру одному из многих военных, а как верноподданный, горячо влюблённый в своего государя. Он первый разгадал «маленького корсиканца» и понял, что это не просто победоносный рубака, а что-то гораздо более сложное и сильное. Принимая в своем особняке адъютантов Наполеона, Талейран очень ласково беседовал с ними, а после обеда гости обычно направлялись в кабинет хозяина, где единственным украшением был портрет Бонапарта. Последний, разумеется, был прекрасно осведомлён о тех знаках почтительного уважения, которые оказывались ему в доме Шарля Мориса Талейрана. «Болтуны не нужны — нужна голова и шпага». Впоследствии они оба прекрасно понимали друг друга. Их сближали общие черты ума, презрение к людям, вера в успех и нежелание подчинять свои амбиции какому-то моральному контролю. «Это человек большой безнравственности, но и большого ума. Конечно, он самый способный из всех министров, которых я имел». — Так Наполеон отзывался о Талейране на острове Святой Елены. Но даже он недооценил и слишком поздно убедился, как может быть опасен Талейран, если его меркантильные интересы потребуют, чтобы он предал и продал своего господина.

3

Здесь интересно будет поведать о ловкой финансовой махинации Талейрана во время государственного переворота в пользу Наполеона Бонапарта. В тот день, 9 ноября 1799 года, Талейрану выпала миссия уговорить Барраса, главаря прежней власти, добровольно уйти в отставку. Наполеон при этом вручил Талейрану чек на три миллиона франков золотом для передачи Баррасу, так сказать, «ради скорой сговорчивости». Однако когда Талейран в сопровождении военных прибыл к Баррасу, то сразу же

встретил у него безоговорочную, смешанную со страхом готовность немедленно покинуть свой пост. Талейран так этому обрадовался, что как-то позабыл за суматохой в собственном кармане этот чек. Он с жаром благодарил Барраса, тряс ему руку, выражая при этом «горячую признательность от имени отечества». Обо всём этом рассказал сам потерпевший, узнавший лишь впоследствии, как дорого обошлась ему излишняя поспешность в самоустранении. А спустя 12 дней после прихода Наполеона к власти Талейран Перигор вновь стал министром иностранных дел. Это было наградой за его участие в государственном перевороте. «Равнение на Бонапарта» — такова была отныне линия министра иностранных дел. Рассмотрим несколько выдержек из его писем того времени, адресованных Наполеону.

«Я не люблю Вашу библиотеку, Вы там слишком долго находитесь». «Нижний этаж не для Вас, Вы созданы для высот». «Позвольте мне повторить Вам, что я огорчен Вашим отъездом». «Я не чувствую себя в форме, когда нахожусь вдалеке от Вас». «Не хочу иметь других наград, кроме Ваших». Трудно избавиться от впечатления, что перелистываешь письма не министра, а безнадёжно влюблённого воздыхателя к даме своего сердца. Но нет, это лишь верный слуга склоняется перед своим господином.

В своих мемуарах Талейран пишет, что он любил Наполеона. «Я чувствовал привязанность к его личности, несмотря на его недостатки. Я пользовался его славой и отблесками её лучей, падавшими на тех, кто ему помогал в его нелёгком и благородном труде».

В чём тут дело? Зачем Талейран, так часто шпионивший против Наполеона, пишет эти слова в конце своей жизни. Неужели действительно Наполеон импонировал ему своими гениальными способностями и гигантской исторической ролью? Нет, конечно. Чтобы правильно понять эти талейрановские слова, нужно представить, чем для него была наполеоновская империя. Блеск и неслыханная роскошь придворной жизни, почётное положение министра, служащего величайшему из императоров, лесть, раболепное преклонение, женщины, и, наконец, самое главное — бесчисленные потоки золота, которые постоянно текли в его карман. Одним словом, служение Бонапарту приносило всё то, к чему стремилось сердце Талейрана: власть, деньги, высокие должности, звания и титулы. Никогда раньше положение Талейрана не было столь устойчивым и благоприятным, как в первые годы наполеоновского правления. Вот почему Талейран не кривил душой, когда говорил, что любит Наполеона. Его вполне устраивала такая жизнь. Он страстно желал, чтобы так продолжалось всегда. Но огромная, нечеловеческая работоспособность императора, а самое главное, его постоянные захватнические войны, стали, наконец, внушать страх Талейрану. Что же дальше? Как всё это будет держаться впоследствии? Где черпать силы для сдерживания покорённых народов? Ведь Франция и так уже истощена постоянными рекрутскими

наборами. Наконец, участь самого Талейрана. Что будет с ним, когда весь этот громадный наполеоновский корабль пойдёт ко дну? И у Талейрана вырывается фраза: «Тот, кто придал бы императору Наполеону немного лени, был бы благодетелем человечества». А между тем этот корабль императорской Франции, украшенный победными знамёнами, шёл по спокойному морю, казалось, к новым победам. Ничто не предвещало ни грозных бурь, ни тем более окончательной катастрофы. Но один пассажир уже предвидел наступающий ураган и покидал сияющее яркими красками судно. Это был Талейран.

«Всё то время, что на меня было возложено руководство иностранными делами, я верно и ревностно служил Наполеону».

Разумеется, «верно и ревностно» Талейран всегда служил только одному человеку — самому себе. Вопросы самосохранения и личной карьеры требовали от Талейрана решительных действий. «Он начал отделять свою судьбу от судьбы Наполеона, который, по его мнению, слишком зарвался; он начал думать о том, чтобы избавиться от ответственности, чтобы позаботиться о своём будущем, и с этой целью прилагал все старания отделить свой политический путь от пути, по которому упорно, неистово и без удержу шёл император. В присутствии лиц своего круга, а также иногда и при иностранных министрах он порицал начатые предприятия и выражался с сожалением о необузданном честолюбце, стремившемся в пропасть», — так писал о Талейране французский историк Альберт Вандаль.

4

Вскоре Талейран изменил Наполеону в пользу русского царя. Правда, сделано это было лишь тогда, когда Талейран полностью убедился в своевременности и выгоды для него этого поступка. В 1808 году совершенно неожиданно он уходит в отставку. Но делает это так умно и тонко, что сам Наполеон щедро вознаграждает своего уходящего «по состоянию здоровья министра» и объявляет его князем Беневентским с титулом «высочества». Княжество приносит 330 тысяч франков в год и не требуется дополнительных усилий. Хорошие доходы получает князь и от своих земельных владений. Орден Почётного легиона также даёт прибыль. Одним словом, полмиллиона в год — манна небесная. С этого времени Талейран официально отходит от дел. Теперь можно издали и в безопасности ждать развязки событий, отделив отныне свою личную судьбу от судьбы тирана и поработителя народов. Вскоре Наполеон выехал в Эрфурт для свидания с Александром Первым. В качестве гостя он захватил с собой и Талейрана, ибо продолжал поддерживать с ним тесные отношения. Это было

непоправимой ошибкой французского императора, ибо в Эрфурте князь Беневентский тайно сблизился с Александром и окончательно стал на путь предательства. Конечно, Талейран ставил на карту свою голову, ибо совершал государственную измену. Стоило только царю захотеть доказать Наполеону свои дружеские чувства и рассказать об измене Талейрана — участь бывшего министра была бы решена безнадежно. Но проницательный ум и способности Талейрана оценивать чужую натуру помогали ему всегда. Он твердо знал, что царь Александр ни за что его не выдаст и что с этой стороны риска нет. Даже если Талейран царю и не выгоден, все равно у Александра такая благородная душа, что он никогда не выдаст доверившегося ему человека. А для Александра поступок Талейрана был настоящим откровением. Царь справедливо усмотрел тут незаметную пока ещё другим, но зловещую трещину в гигантском и грозном здании Наполеона. Согласно мнению в исторической иностранной литературе, именно Талейран определил позиции Александра Первого и его окружения на переговорах с Наполеоном в положительную для русских сторону. Однако это явное преувеличение. Русская дипломатия и до откровений Талейрана не собиралась уступать своих позиций. Безопасность Российского государства требовала твердости. Поведение Талейрана лишь укрепило царя в том мнении, которое у него сложилось ещё до Эрфуртской встречи. Для историков же становится совершенно ясным тот факт, что Талейран предвидел неминуемую катастрофу наполеоновской империи ещё за 6 лет до её окончательного крушения. Читателей своих мемуаров он старается уверить, что сношениями с Александром хотел единственно блага Франции в будущем. Но, конечно, он думал прежде всего о своей персоне, а не о благе Франции. Царь оценил откровенные заявления князя Беневентского. Вместе со своим министром Румянцевым Александр относил Талейрана к числу людей, пользующихся его полным доверием. Спустя год Наполеону все-таки что-то стало известно, хотя, конечно, далеко не всё. На одном из приёмов, подойдя к Талейрану, император обрушил на него поток грубых ругательств: «Вы вор, подлец, человек без веры, вы не верите в Бога; вы предали, обманули всех; для вас нет ничего святого, вы бы продали своего отца. Вы заслуживаете, чтобы я вас сломал, как бокал! Я в состоянии это сделать, но я вас слишком презираю, чтобы утруждать себя».

Говорят, что после этой речи Талейран тихо процедил сквозь зубы: «Как жаль, что столь великий человек так дурно воспитан». Ожидали ареста или ссылки Талейрана. Ничего подобного не произошло. По каким-то необъяснимым мотивам император щадил своего бывшего министра. Он только лишил его некоторых привилегий. Но месть оскорбленного аристократа была неизмеримо более коварной и опасной. Он стал платным австрийским агентом.

Вскоре наступили сроки исполнения талейрановских предсказаний. Наполеон вторгся в пределы России. Быстро прогремели Бородино и пожар Москвы. В Париже ещё ждали победоносных вестей, когда император, бросив остатки замерзающей на русских равнинах армии, сел в сани и тайно отбыл во Францию. Талейран осмелел: «Вот момент, чтобы его низвергнуть», — сказал князь в придворных кругах. Но сделать это было не так просто. Буржуазия и армия в основной массе любили и боготворили Наполеона. В этих условиях у императора ещё хватило сил в течение двух лет создавать армию за армией и наносить союзникам страшные удары. Но нужны были не только энергичные военные действия, но и неотложные дипломатические усилия. В этом положении император французов обратился к Талейрану. Правда, Наполеон пришёл к этому решению не без колебаний. Но на предложение императора экс-министр ответил отказом. «В декабре 1813 года он (то есть Наполеон) предложил мне снова принять портфель министра иностранных дел, что я решительно отклонил, так как мне было ясно, что нам никогда не удастся сговориться хотя бы в способе выпутаться из того лабиринта, в который его вовлекли его безумства». — Так Талейран объясняет своё поведение в своих «мемуарах». Однако истинную свою позицию он изложил позднее Шарлю Ремюза: «Пусть император будет один — это надёжное средство против долголетия»; «Он один в Европе, как этого и хотел, но главное — он один во Франции»; «Его самая большая беда, против которой нет лекарства — это изоляция». Мудрый князь притаился, спрятался. Между тем союзники — пруссаки, австрийцы и русские — приближались к границам Франции. Среди наполеоновских маршалов росло пораженческое настроение. И в это время стало происходить нечто невероятное. В феврале и марте 1814 года уже совсем упавшие духом маршалы не верили своим глазам. Как будто и не было пятнадцати лет кровавого царствования и непрерывных войн. Перед ними снова был тот самый герой Италии и Египта — молодой генерал Бонапарт. 10 февраля Наполеон напал на корпус генерала Олсуфьева и наголову разбил его. Следующий день закончился новой блестящей победой. Причем союзники потеряли 8 тысяч убитыми, а французы меньше тысячи. 12 и 14 февраля принесли Наполеону новые две победы. «Я нашёл свои итальянские сапоги», — сказал император, намекая на свои победы в молодые годы на полях Италии. Новые две битвы при Мормоне и Вильневе также закончились окончательной победой французов. Союзники растерялись. Эти неожиданные, ежедневно следующие одна за другой победы так их смутили, что они предложили Наполеону мир. Но на это он не согласился. Роковая ошибка! 18 февраля произошла новая битва при Монтеро и опять союзники были отброшены, потеряв много тысяч убитыми, ранеными и пленными. Эта серия новых наполеоновских побед, когда их уже никто не ждал, доставила Талейрану много неприятных минут. До сих пор военные специалисты находят кампанию 1814 года одной из самых замечательных и блестящих в долгой и кровавой карьере великого полководца. Чуть ли не каждые 3 дня в Париж приходили известия о новых и новых победах Наполеона, и Талейрана охватывало порой такое лютое беспокойство, что его письма того времени напоминают духовные завещания. В случае полной победы императора над союзниками Талейрана ждал немедленный расстрел. Спасти его могло только поражение Наполеона. И старый князь решается на новое предательство. Он сообщает в стан союзников, что армия Наполеона истощена. Он вдохновляет их на новое наступление — прямо на Париж, ибо в столице совершенно отсутствуют войска. В тайной беседе с наполеоновским маршалом Мармоном он уговаривает его изменить

императору. А когда тот отводит свой корпус, Талейран, обращаясь к его солдатам, освобождает их от присяги Наполеону, «человеку», который, по выражению князя, «даже не является французом». Поистине лихорадочная деятельность. Но и этого мало. Одновременно он устанавливает контакты с представителями находящейся в эмиграции династии Бурбонов, чающих движения воды, и приглашает их занять «законный» французский престол. Призыв к изнемогающей армии явился последней каплей, переполнившей чашу терпения маршалов, генералов, офицеров и солдат. Все были смертельно уставшие. Начался массовый переход военных в «новую веру». На следующий день после измены Мармона Наполеон отрёкся от престола. Он говорил маршалу Лefевру: «Я гибну от предательства. Талейран такой же разбойник, как и Мармон: он всегда и всех предавал; почему я не расстрелял его?»

6

Вскоре русские войска во главе с царем Александром Первым входят в Париж. Верхов на белом коне, рядом с прусским королём и князем Шварценбергом, впереди блестящей свиты и несметной армии, Александр, как древний Агамемнон, царь царей, вступил в столицу побеждённой страны. Князь Беневентский, хромой бес, лукавый оборотень, прятанный все эти грозные дни где-то в тиши, невидимый, неслышный, почти растворившийся, вынырнул из неизвестности и вдруг оказался сразу на самом видном месте. Русский «император Александр остановился у господина Талейрана», — писали парижские газеты. Это, казалось, незначительное обстоятельство, определило судьбу Франции. Оно оказалось решающим. «Князю выпало счастье оказать гостеприимство монарху, который в продолжение месяца был властелином Франции и её законодателем», — писал позднее Стендаль. Вскоре важный, степенный, медлительный в движениях, в напудренном белом парике, опираясь на старинную трость с дорогим набалдашником, князь Талейран величественно вошел в Сенат, как в собственный дом. В своих «мемуарах» он позднее писал: «На второе апреля я созвал Сенат». Все головы повернулись в его сторону, и было вполне естественно, что человек, так уверенно действовавший в это смутное время, является законным главой временного правительства. Правда, это правительство было составлено из неведомых французскому народу лиц. Наполеон так и не успел привести свою угрозу в исполнение. Незадолго до отречения он говорил: «Вот уже 6 месяцев, как меня обманывает Талейран». Император ошибался — Талейран обманывал его шесть лет.

Когда 2 апреля 1814 года Талейран был «избран», вернее, сам назначил себя главой временного правительства, его государственная деятельность началась с несколько странных действий. Доверенному лицу он поручил проникнуть в императорский дворец и изъять из личных бумаг Наполеона талейрановские письма. Это были бумаги, которые подтверждали его причастность к смерти герцога Энгиенского, к разжиганию

войны в Испании, а также к его причастности в похищении трона у испанского короля. Получив эти компрометировавшие его письма, Талейран предал их огню. Но здесь всегда столь предусмотрительный дипломат просчитался. У Наполеона дело было поставлено солидно. Наиболее важные документы сохранялись не только в оригинале, но и в копиях. Благодаря этим копиям историки смогли узнать о всех низких действиях князя Беневентского. А пока, уничтожая свои автографы, Талейран был не прочь создать ещё более надежные гарантии. Именно в это время в его разговорах часто стала проскальзывать фраза: «Если бы император был мёртв, то...» То в самом деле, Талейрану спалось бы гораздо спокойнее.

Вскоре во Франции воцарилась прежняя королевская династия Бурбонов. Талейран получил сразу 2 назначения — кресло первого министра и пост министра иностранных дел. В это время в печати о нём промелькнула следующая фраза: «Талейран оттого так богат, что он всегда продавал всех тех, кто его покупал». Но князь не обратил никакого внимания на эти колкости. Он был нужен. Он был незаменим. Он снова шёл в гору. Вскоре его посылают на Венский конгресс, где он действительно сыграл замечательную роль во благо Франции. В это время в Вене находились 2 императора, 4 короля, 2 наследных принца и 215 князей. Все началось с шумных праздников и зрелищ. Жители Вены шутили: «Русский император любит, король Дании пьёт, король Швеции ест, король Пруссии думает, король Баварии говорит, а наш австрийский император платит». В этой шутке была заключена горькая истина. Каждый день «танцующаго конгресса» обходился австрийцам в 220 тысяч золотом. Но танцы и музыка не могли замаскировать истинных целей конгресса. Речь шла об очередном передвижении пограничных столбов, о переходе миллионов людей от одного властителя к другому, о закреплении новых военных и политических сил. Одним словом, здесь начинался делёж союзниками измученной Европы. Надо признать, что Талейран проявил на конгрессе свои дипломатические дарования в полном блеске. Он потом всю остальную жизнь указывал на Венский конгресс как на место, где он успешно отстоял интересы побеждённой Франции от целого полчища врагов, притом в самых трудных обстоятельствах, в каких может оказаться дипломат, не имея за собой никакой реальной силы. Действительно, Франция была разбита. Против неё на конгрессе, как и прежде, на поле битвы, стояла целая коалиция первоклассных держав: Россия, Пруссия, Австрия, Англия. Если бы этим странам удалось сохранить единство, то Франция была бы изрезана на куски. Но в том-то и дело, что с первого дня своего приезда в Вену Талейран, как паук, стал ткать сложную паутину тончайших интриг, направленных к тому, чтобы вооружить одних противников Франции против других. Первые шаги были трудны. Репутацию Талейрана многие знали и называли его за глаза «наибольшей канальей всего столетия». Но не обращая на это никакого внимания, старый лис поистине артистически вёл свою труднейшую и почти безнадежную вначале игру. Начал с себя. Уже первый его шаг не предвещал покорности и смирения: вошёл с достоинством и спокойно уселся между министром Англии и Австрии как равный среди равных. И сразу же приступил к делу — уничтожил унижительный для французской делегации термин «союзники». Какие «союзники»? Разве мир не подписан и война продолжается? Если Наполеон находится в ссылке, то против кого направлен этот

«союз» четырех держав? Неужели против законного династического короля — старого и больного Людовика? «Господа, будем откровенны: если ещё имеются союзные державы, то я здесь лишний».

Удар был нанесен точно. Все понимали, что без участия королевской Франции новая система европейских отношений существовать не могла. Одержав эту первую победу, Талейран вёл себя дальше уже так, как будто он был министром не побеждённой, а победившей страны. Главной его целью было: разрушить монолит великих держав и посорить их между собой. К началу января 1815 года это ему блестяще удаётся. Вскоре Талейрану подвернулся случай войти в тайный сговор с Англией и Австрией против Пруссии и России. Этот колоссальный дипломатический успех, разумеется, повлечёт за собой и многие другие. Несомненно, что в биографии Талейрана Венский конгресс занимает особое место. Это вершина его дипломатической деятельности. «Все главные вопросы были разрешены для Франции так удовлетворительно, как только можно было надеяться, и даже лучше, чем она могла рассчитывать», — писал Талейран. Здесь, на конгрессе, раскрылась вся многокрасочная палитра талейрановской дипломатии — тайный сговор, политический шантаж, надуманные противоречия. И всё это готовилось на талейрановской кухне «во имя священных принципов законности и порядка, во имя высоких идей справедливости и права, во имя мира и человеколюбия».

По личному предложению князя Талейрана 21 января в Вене состоялась торжественная панихида в память о казнённых якобинцами Людовике XVI и Марии-Антуанетте. Возможно, князь забыл, как за 15 лет до этого, он уговаривал Бонапарта принять участие в национальном празднике (а не в трауре) по поводу той же даты.

Интересно отметить, что и здесь, на конгрессе, Талейран брал взятки. Причём, как и при Наполеоне, не делал за это тех дел, которые шли бы вразрез с интересами Франции. Так например, Франция была заинтересована в том, чтобы Пруссия не присвоила часть владений саксонского короля. И Талейран отстоял Саксонию. Но так как саксонский король был заинтересован в этом ещё гораздо больше Франции, то этот король для возбуждения активности в Талейране дал ему 5 миллионов. А Талейран их взял. И, конечно, сделал это с таким грациозным величием, с каким принял когда-то от этого же короля взятку за то, чтобы уговорить Наполеона не брать из Дрездена Сикстинскую Мадонну и другие, ну как на беду приглянувшиеся императору картины.

Конгресс ещё был далёк от своего завершения, когда в воздухе запахло порохом. Наполеон внезапно покинул о.Эльбу и благополучно высадился на юге Франции. Стремительным маршем — по 50 километров в день небольшой отряд во главе с Бонапартом двинулся к сердцу Франции — Парижу. Заголовки французских газет разительно менялись по мере приближения Наполеона к столице. В 1-й день газетные статьи начинались словами: «Корсиканское чудовище высадилось в бухте Жуан...»; на 2-й день: «Людоед движется на Париж...»; на 3-й день: «Дерзкий авантюрист миновал Гренобль...»; на 4-й: «Император подходит к Лиону...»; на 5-й «Его Величество Наполеон приближается к столице...» На всем пути продвижения солдаты, офицеры и генералы переходили на сторону свергнутого императора. Ненависть к Бурбонам охватила широкие народные массы и армию. События развивались стремительно. 20 марта, в 9 часов вечера, Наполеон без единого выстрела достиг Парижа и водворился в Тюильри. Это внезапное возвращение Наполеона застало Талейрана совершенно врасплох. Между тем Наполеон дал знать Талейрану, что возьмёт его снова на службу. Но на этот раз князь Беневентский остался в Вене. Он не двинулся с места. Он слишком глубоко и прочно связал свою судьбу с Бурбонами. Но самое главное — Талейран был убеждён в том, что Бонапарт неизбежно потерпит поражение. Вооружённые силы европейских держав были готовы к боевым действиям. Принятие коллективных решений облегчалось тем, что все государи ведущих стран Европы находились вместе. Наполеона могла спасти только всеобщая народная война. Но он не пошёл на это. Прибывшему в Вену наполеоновскому посланцу Талейран ответил: «Вы прибыли слишком поздно. Решение Европы и моё принято. Оставайтесь с нами и вы не ошибётесь, как ошибся император в выборе своего часа. Он погубил себя и погубил Францию. Сегодня его спасение не зависит ни от кого из нас».

После этого эпопея императора французов вступила в свою последнюю кровавую стадию. Быстро промелькнуло 100 дней. Грянуло Ватерлоо, а вскоре за ним и второе отречение, на этот раз уже навсегда. Бежавшие из Франции, перепуганные и раздражённые Бурбоны снова возвратились в Париж и сразу же стали мстить. Начался белый террор. Был расстрелян наполеоновский маршал Мишель Ней. Погибли маршал Брюн, генералы Рамель и Лагард. В столице ежедневно заседали военные суды, на которых выносились смертные приговоры. Расправа была жестокой. Раздражённый таким поведением Бурбонов русский царь сказал: «Они ничего не поняли и ничему не научились». Талейран выступил против белого террора. Опытный политик, он занимал реалистическую позицию. Как и всегда, он был бесконечно далек от интересов народа. Но нужно было иметь закрытые глаза и заткнутые уши, чтобы игнорировать грозное возмущение, нараставшее во французском обществе. И Талейран, желая припугнуть Бурбонов, решил подать в отставку, но вдруг неожиданно получил ее. Мавр, очевидно, уже сделал своё дело и мог уйти. «Хорошо, — сказал Людовик XVIII, — я назначу другого министра». Это было полнейшей неожиданностью. Талейран обиделся. Приходилось невольно удаляться в частную жизнь, причём на целых пятнадцать лет.

8

Два великолепных дворца, громадное богатство и царственная роскошь — вот что ждало князя на покое. Он получал огромное выходное пособие, к тому же остался пэром Франции да ещё был назначен камергером короля. Эта должность приносила ему 100 тысяч в год. Конечно, ему очень хотелось вернуться к власти. Он часто ругался и даже публично. Смеялся над бездарностью правящих лиц, острил, давал понять, где нужно, что он незаменим. Но его не брали. Судя по некоторым письмам, он уже тогда предвидел, что час падения Бурбонов близок. В это время Талейран часто со сдержанным почтением стал вспоминать Наполеона, а при случае и делать сопоставления в его пользу. В сентябре 1824 года он провожал в последний путь Людовика XVIII, а в мае 1825 года принимал участие в коронации Карла X. «По своим способностям Карл X являлся самым ничтожным из королей, и он совершил наибольшее число ошибок», — писал Талейран. В это время он сближается с вождём либерально-буржуазной оппозиции — Адольфом Тьером, а с 1829 года и с принцем Луи Филиппом Орлеанским. Талейран предвидит будущую политическую славу обоих. Он часто приглашает их к себе, принимает и угощает в своих апартаментах, даёт полезные советы. Он постепенно готовит этих двух молодых людей к свержению ненавистой французам бурбонской династии. Эти молодые политики взирают на величавую фигуру Талейрана с большим почтением. Слишком уж много был он овеян воспоминаниями о великих исторических событиях, в которых играл роль, с которыми так или иначе навеки соединил своё имя. Больной семидесятишестилетний старик, он не желал сдаваться. Он всё ещё думал о будущем, о новой карьере. Он всё ещё копал яму врагам и расчищал дорогу друзьям. А его друзьями всегда были те, кого исторические силы несли в данный момент на высоту. Предвидение Талейрана не обмануло его и на этот раз. Он был в Париже, в своём великолепном дворце, когда 27 июля 1830 года грянула революция.

Королевские войска оказали сопротивление. Началась битва. Слушая грохот выстрелов и звуки набата, Талейран сказал одному из своих друзей: «Послушайте, бьют в набат, мы побеждаем!» «Мы? Кто это мы, князь, кто побеждает?» «Тише, ни слова больше: я вам завтра это скажу».

Этот характерный для Талейрана разговор происходил 28 июля. А на другой день битва кончилась. Династия Бурбонов была навеки низвергнута. Уже утром следующего дня Талейран послал записку Луи Филиппу не терять ни минуты и немедленно стать во главе революции. «Надо соглашаться», — говорилось в записке. Авторитет князя как политического пророка был так колоссален, что новый кандидат в короли сразу же

прибыл в Париж. Пробил последний «звёздный» час Талейрана. У него происходила очередная смена кожи.

9

Спустя 10 дней, 9 августа 1830 года, «король баррикад» Луи Филипп Орлеанский был торжественно провозглашён главой Франции. В первые же дни нового царствования вдруг обнаружилось, что хотя победившая революция была бесспорной победой над аристократией, но есть всё же на свете один аристократ, самый подлинный и чистокровный, без которого никак уж нельзя обойтись. Это был всё тот же князь Талейран. И не только потому, что он задолго до этого сблизился с победителями, но и потому, что работа его головы потребовалась и показалась совсем незаменимой новому правительству — так же, как она была необходима и республике, и Наполеону, и Бурбонам, и снова Наполеону, и снова Бурбонам. Всё дело в том, что положение Луи Филиппа было очень нелёгким на первых порах перед лицом иностранных держав. Его называли «повстанцем» и «королём баррикад». Русский царь Николай Первый настаивал даже на военном вмешательстве и восстановлении прежней бурбонской династии. В этих условиях Луи Филиппу нужно было заручиться поддержкой Англии. Снова выручил Талейран. С изумлением Европа узнала, что старый князь назначается французским послом в Англию. Когда Талейран прибыл в Лондон, в его честь загремели пушечные салюты береговых батарей. Положение его в английской столице было блестящим. Высшее общество видело в нём представителя самой подлинной аристократии. Вместе с тем вспоминали и его красноречие на Венском конгрессе. Жаль только, что вот теперь он является послом «короля баррикад», который для захвата власти прибег к революции. Но именно это обстоятельство Талейран крайне ловко повернул в свою пользу. Он говорил, что если уж он, аристократ из аристократов, отрёкся от этого и стал на «сторону короля баррикад», то значит были же на это крайне важные причины. Значит, не выдержало прямое и честное сердце правдивого князя, справедливо негодуя по поводу поведения негодников Бурбонов, нарушивших конституцию, которой присягали. После этой речи толпы народа бежали за каретой Талейрана по улицам с криками «ура», едва лишь замечали и узнавали его. Король Англии много раз очень милостиво и подолгу беседовал с Талейраном. Было видно, что разговор и манера поведения старого князя очень импонировали королю. Герцог Веллингтон, глава английского кабинета, был просто очарован Талейраном. Он даже возмущался — почему столько лет подряд клеветают на Талейрана, когда это честнейший и благороднейший человек. Всё нравилось англичанам в Талейране, даже то, что он долго был министром Наполеона, и тот очень ценил его ум. Талейран вскоре заметил, что вообще после июльской революции усиливается «наполеоновская легенда». Он сразу же этим воспользовался. При своём столкновении по службе с министрами Луи Филиппа он высокомерно говорил, что «при императоре так не работали», что «Наполеон научил их работать именно так, а не иначе». В Лондоне дом французского посла сделался местом самых пышных приёмов, балов и, наконец, самого

настоящего паломничества. Это была полная слава. Русский царь Николай Первый, узнав о назначении Талейрана послом в Лондон, сразу же признал правительство Луи Филиппа. Он увидел в этом признак прочности французского престола. В течение нескольких месяцев Талейрану удалось установить прочный контакт между Англией и Францией. Внешней французской политикой заправлял именно он, а не парижские министры, которых он игнорировал. Они жаловались королю и называли Талейрана «подсолнечник», потому что тот всегда поворачивается к свету. Но это был «глас вопиющего в пустыне». Близко наблюдая Талейрана в Лондоне, русская графиня Ливен писала о нём: «Вы не поверите, сколько добрых и здравых планов у этого олицетворения всех пороков. Это любопытный человек, у которого можно многому научиться от его опытности и ума. Но это большой мошенник».

Чувствуя, что он укрепил престол Луи Филиппа и успел дать июльской революции права гражданства в Европе, Талейран стал проситься на покой. Сестре короля, принцессе Аделаиде он писал: «В течение четырех лет мы извлекли из Англии все, что она могла нам дать полезного». 13 ноября 1834 года старый князь направил прошение королю об отставке. Отставка была принята. Он был стар.

10

Пришло время подведения итогов. Талейран слабел физически. Он удалился в свой великолепный парижский замок Валансэ и здесь спокойно, как и всё, что он делал в жизни, стал ждать прихода той непреодолимой силы для борьбы, с которой даже его хитрости было недостаточно. Это последнее время своей жизни он посвятил тому, чтобы представить себя в наиболее благоприятном виде перед лицом грядущих поколений. Он стал готовить свои мемуары — классический образец фальсификации исторических фактов — с единственной целью: оправдать свою деятельность. В этих мемуарах он называет себя поэтом. Он говорит, что написал трилогию из трёх частей: Наполеон, Бурбоны, Луи Филипп. Он утверждал, что ни от одного из правительств, которым служил, не получил больше того, что дал им; не бросал ни один режим до того, как этот режим сам себя не покинул; никогда не противопоставлял интересы какой-либо партии или свои личные «подлинным интересам Франции». Он писал, что «принципов нет — есть события; законов нет — есть обстоятельства, и человек высокого полёта сам применяется к событиям и обстоятельствам, чтобы руководить ими». И далее: «Дипломатия не является наукой о коварстве и двуличии». Какие благородные слова! Верил ли в них сам Талейран? Ибо коварство и двуличие были его природой. Правда, эти качества можно именовать и более деликатно — гибкость, ловкость, умение приспособиться к обстоятельствам, готовность на компромиссы. Он, конечно, владел всеми видами оружия дипломатического арсенала, кроме искренности и честности. По данным мадам де Сталь, он обладал одним из самых крупных состояний

в Европе. С кого только ни взыскивал Талейран золотой оброк. Воистину он являлся «великим магистром ордена взяточников». Известная писательница Жорж Санд по-прежнему ненавидела его и судила с исключительно моральной точки зрения. Но было и много почитателей — среди них особенно выделяются Стендаль и Бальзак. А вот что писал о нём молодой в то время автор «Трёх мушкетёров»: «Я никогда не мог взять в толк, почему люди всех времён так не понимали этого человека. Его упрекали за то, что он предавал все партии и все правительства. Это правда. От Людовика XVI он перешел к республике, от неё — к Директории, от последней — к консульству, от консульства — к Наполеону, от него — к Бурбонам, от них — к Луи Филиппу, и, может быть, до своей смерти снова перейдёт ещё куда-нибудь. Но он вовсе не предавал их всех. Он только покидал их, когда они умирали. Он сидел у изголовья каждого времени и каждого правительства, всегда щупал пульс и прежде всех замечал, когда их сердце прекращало биться. Тогда он спешил от покойника к наследнику, хотя другие продолжали какое-то время служить трупу. Разве это измена? Потому ли Талейран хуже других, что он умнее их и подчиняется неизбежному? Верность других длилась не больше, только заблуждение их было продолжительнее. К голосу Талейрана я всегда прислушивался, как к решению судьбы. Помню, как я испугался, когда после возвращения Наполеона из первой ссылки Талейран не примкнул к нему. Это предвещало мне гибель Наполеона. Я обрадовался, когда он объявил себя сторонником Луи Филиппа. Из этого я понял, что Бурбонам конец. Мне хотелось, чтобы этот человек жил у меня в комнате: я бы приставил его как барометр к стене и, не читая газет, не отворяя окна, каждый день знал бы, какова политическая погода на белом свете».

А тем временем Талейран, доживая свой век, всё чаще брался за карандаш. «Вот и протекли 83 года. Сколько забот. Сколько волнений. Сколько зложелательности я внушил. Не знаю, удовлетворен ли я, когда перебираю в памяти то, чем наполнил ушедшие годы. Сколько истраченных сил и бесплодных попыток, загубленных дарований и разрушенных иллюзий! И все это без иных результатов, как большая физическая и моральная усталость, отвращение к прошлому и глубокий упадок духа перед грядущим». Да, воистину, «суета сует». Все теперь уплывало в небытие. Золото делало многое, но не спасало от духовной нищеты. Наблюдая Талейрана в эти последние годы, его личный врач пишет: «Оставаясь наедине с самим собой в ночной тишине, он с высоты своей притворной гордости низвергался в невыразимое уныние, и при свете лампы, которая освещала его одинокое бдение, ему случалось писать строки, в которых сказывалось и множество печальных мыслей, и падение душевных сил».

Эти слова объясняются тем, что Талейран, презирая людей вообще, презирал в душе и всю жизнь, и самого себя. А его всегдашняя надменная и пренебрежительно-насмешливая мина была лишь маской, прикрывавшей безотрадное чувство, изредка, к концу им овладевавшее. О Наполеоне Талейран в конце своей жизни писал всегда очень хорошо. «Его гений был поразителен. Ничто не могло сравниться с его энергией, воображением, разумом, трудоспособностью и творческими

силами. Он являлся самым исключительным человеком из всех, которых я когда-либо видел». Весной 1838 года состояние 84-летнего Талейрана ухудшилось. Будучи всю жизнь не в ладах с католической Церковью, он перед самой смертью примирился с ней и получил отпущение грехов от самого папы римского. Парижские газеты в те дни писали: «Князь Талейран всю жизнь обманывал Бога, а перед самой смертью вдруг очень ловко обманул сатану». Теперь все дела князя Беневентского — и мирские, и духовные — были приведены в полный порядок. Он прожил 84 года 3 месяца и 15 дней. Редкое, особенно по тем временам, долголетие. После траурной церемонии тело князя, согласно его завещанию, перевезли в фамильный склеп загородного замка. Перед выездом из города кучер спросил у распорядителя похорон, каким маршрутом ехать. «Через заставу ада», — последовал ответ. (Так в то время назывался выезд из города по улице Данфер).

Да, действительно, через врата ада прошёл после смерти депутат и министр, царедворец и дипломат, кавалер всех орденов и член академии наук, французский пэр и посол в Лондоне. Пьеса была доиграна до конца. Занавес опускался. «Я хочу, чтобы на протяжении веков продолжали спорить о том, кем я был, о чём думал и чего хотел». С тех пор, как были написаны эти слова, прошло много лет. Исполнила ли история его пожелание? Думается, что да. О нём говорили, писали и спорили очень много. Западные историки до сих пор восхищаются им, величают «политическим провидцем» и «патриархом буржуазной дипломатии». Нам же остается подвести итог бесконечных дискуссий о Талейране его собственными словами: «Общество людей всегда было разделено на два класса: стригущих и стриженных. Нужно поэтому стараться быть с первыми против вторых».

1994 г.

Эта глава проверена // 06.02.2013 // Admin